

Ленинград, правда

Интервью после премьеры

НЕСКОЛЬКО МГНОВЕНИЙ И ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

ПОСЛЕ «Трезюжной молодости» его стали узнавать на улицах. Было это давно, в середине пятидесятых, когда молодой Александр Суснин делал лишь первые шаги в кинематографе. Экранизация повести Владимира Беляева «Старая крепость» — первая телевизионная, уместившаяся в одной серии, — стала популярным фильмом в тот переломный период нашей истории.

Настало время для пересмотра многих былых ценностей. Велкие времена, отказавшиеся от старых схем, в фильме молодых режиссеров Александра Алова и Владимира Наумова выдвинулось на экран. А. Суснин сыграл Василия Манджуру — одного из трех друзей, жителей маленького украинского городка эпохи гражданской войны и первых тревожных лет после резолюции. Василий Манджура был живым, узнаваемым парнем, словно пришедшим на экран с городской улицы середины пятидесятых.

— Это первая ваша работа в кино!

— Четвертая. Первой была «Застава в горах» известного в те времена режиссера К. Юдина. Снимался сразу после окончания ВГИКа. Рядовой Воробьев. Убивают его на экране — первая моя смерть в кино. Потом погибать доводилось много раз. В новой, недавно законченной картине Дмитрия Светозарова «Псы» мой герой тоже погибает. По моим подсчетам, это уже девятнадцатая смерть на экране.

— А всего сколько фильмов было в вашей биографии?

— Трудный вопрос — точной цифры назвать не смогу. Как-то однажды пытались подсчитать — получилось что-то около 140 фильмов. Ну это, если все считать — и эпизоды, и

совсем мимолетные появления на экране в одном-двух кадрах. А крупных ролей набралось 47. Сначала все сплелось правильные ребята. Шоферы, шахтеры, военные, всякие иные, но обязательно «свои», правильные — это в картинах «Максим Перепелица», «Таинственная находка», «Степные зори», «Кортик», «Жестокость». Первая отрицательная роль стала неожиданностью для меня самого. Вызвали на Одесскую студию и предложили сыграть злостного браконьера в фильме «Погоня». Ну а следующим в этом ряду был уже и вовсе бандит с наганом — Степка Драный — в картине «Ташкент — город хлебный». Полоса положительных персонажей сменилась полосой отрицательных. Потом пошли

старички с длинными бородами.

— Сколько разных судеб, разных характеров, пусть и очерченных иногда бегло, несколькими штрихами. Даже в эпизодический персонаж приходилось вживаться!

— Помню, когда на «Ленфильме» началась работа над картиной «На пути в Берлин», я, к тому времени снявшийся во многих военных лентах, спросил у режиссера Михаила Ершова: «А для меня роль найдется?» — «Есть, ответил он, роль полковника». О, подумал я, уже и до полковника дослужился, до сих пор мой герой были все больше из рядового и сержантского состава. Но тут выяснилось и совсем пикантное обстоятельство: полковник-то немецкий. Мне уж ничего не оставалось как рассмеяться. Это с моей-то рязанской внешностью — и вдруг полковник вермахта? Но мне показали кадры кинохроники, где действительно был среди пленных поджарый, невысокого роста офицер какого-то, скажем так, нехарактерного склада с печальным взглядом, в котором угадывалась человеческая трагедия. Захотелось понять его

и о таком немце рассказать с экрана. Пришлось вживаться в образ, осваивать немецкое произношение (сам и озвучивал роль). Роль сделалась одной из любимых.

— В новом фильме «Из жизни Федора Кузькина» вы играете главную роль. Пришлось на пробах выдержать борьбу с другими претендентами!

— Нет. Все получилось иначе. С режиссером картины Станиславом Ростоцким мы учились на одном курсе, хотя он и старше меня — пришел во ВГИК после фронта. Вместе с моими однокурсниками Колей Рыбниковым, покойной Катей Савиновой я снимался в дипломной короткометражке Ростоцкого. Но, приступая к «Кузькину» много лет спустя, когда экранизация повести Бориса Можаяева стала наконец возможной (а Ростоцкий давно уже этот замысел вынашивал), режиссер перебрал много предлагаемых кандидатур на главную роль, но обо мне так и не вспомнил.

Случай помог. В фильме режиссера Дмитрия Светозарова «Прорыв» (речь, если помните, идет о том, как метростроевцы предотвратили возможную для нашего города катастро-

фу), я играю бригадира проходчиков Осмеркина. Мой герой спасает от грозящей ему гибели молодого инженера. А в этой роли снялся Андрей Ростоцкий. Ростоцкий-старший хотя и не занимает обычно сына в своих картинах, но за его работами очень внимательно следит. Посмотрел он «Прорыв» и сказал: вот же он, Кузькин, Саша Суснин. И меня утвердили на роль — так стал я Федором Кузькиным.

Успех или неудача фильма определялись в первую очередь выбором актора на главную роль. Александр Суснин оказался на экране удивительно достоверным и «живым». [«Живой», кстати, одно из названий повести Бориса Можаяева]. Таким убедительным в образе русского крестьянина, великого труженика, не унывающего даже в тяжкие периоды нашей истории. Впрочем, бывали ли легкие для крестьянина времена! Премьера картины в Ленинградском доме кинематографистов состоялась на другой день после того, как Александру Суснину исполнилось шестьдесят лет.

— Как проходили съемки?

— Работа была трудная. И физически трудная, и в профессиональном отношении. Съёмочный период длился больше года. Но и радостное чувство осталось, светлые воспоминания. Приблизительно две трети в роли Кузькина — это то, что я сам приносил на площадку. Режиссер мои актерские находки только приветствовал. Никакого жесткого диктаторства у Ростоцкого, несмотря на громкое имя, нет. Наоборот, самая демократическая обстановка на съёмочной площадке была.

Снимали мы во Владимирской области. В городе Вязники и в окрестных деревнях. Рядом Клязьма, места сказочные. Местные жители не признавали меня за артиста — спорили только, из какой именно я деревни. Говорили, знаем мы, мол, таких артистов, наш он, сельский. Я действительно вырос в рязанской деревне, там прошло детство и юность, там до сих пор живут мои сестры, и мне не нужно объяснять, как отбивать косяк, как лошадей запрячь или другое что из привычных крестьянских дел.

Познакомился с Борисом Можаяевым. Оказалось, что мы с Можаяевым земляки, он тоже рязанский. Общий язык сразу нашлся. Но вообще-то он ме-

на Кузькиным не сразу признал, слишком под впечатлением был от знаменитого спектакля на Таганке — там Валерий Золотухин играет. Но те театр, там другая стилистика, повторить ее в кино невозможно да и не нужно.

— Теперь после успеха «Федора Кузькина» у вас, видимо, много других предложений!

— Да, звонят с разных студий, предлагают роли. Что-то принимаю, от чего-то отказываюсь, это естественный процесс. В этом году снялся на Одесской киностудии у молодого режиссера Михаила Каца в телефильме «Навеки девятнадцатилетние» по повести Григория Бакланова. Закончил работу у Дмитрия Светозарова в фильме «Псы». Полуфантастическая жестокая история о брошенном городе, превратившемся в пустыню. Снялся в «Кончине» по В. Тендрякову. Есть еще интересные предложения.

Минувший год был успешным, результатом я очень доволен. Ну а дальше — бог весть, актерское счастье переменчиво.

Беседу вел
Евг. Аб

06-17-90

Суснин А.